

СТРАННИКЪ

*богословско-литературный
альманахъ*

№1

2011

Ф.И.Тютчевъ

Я лютеранъ люблю богослуженье,
Обрядъ ихъ строгій, важный и простой;
Сихъ голыхъ стѣнъ, сей храмины пустой
Понятно мнѣ высокое ученье.

Не видите ль? Собравшись въ дорогу,
Въ послѣдний разъ вамъ Вѣра предстоитъ:
Еще она не перешла порогу,
Но домъ ея ужъ пусть и голъ стоитъ;

Еще она не перешла порогу,
Еще за ней не затворилась дверь.
Но часъ насталъ, пробилъ... Молитесь Богу:
Въ послѣдний разъ вы молитесь теперь.

16 сентября 1834

Не хлѣбомъ однимъ...

Ф.С.Занько

Будучи блестящимъ проповѣдникомъ, Иисусъ Христосъ обладалъ необыкновенной способностью вкладывать глубокое, обширное и запоминающееся значеніе въ краткія, простыя на видъ изрѣченія-формулы. Такими крылатыми выраженіями, какъ "кесарево - кесарю", "не судите, да не судимы будете", "зарыть талантъ въ землю" и т.п., пользуются даже неверующіе. Въ настоящей зарисовкѣ дѣлается попытка развернуть содержаніе, стоящее за другой, не менѣе извѣстной формулой - "не хлѣбомъ единымъ".

Этотъ знаменитый отвѣтъ Иисуса во время искушенія отъ дьявола въ пустынѣ тѣсно связанъ со второй частью, относящейся въ основномъ къ насущнымъ матеріальнымъ и духовнымъ нуждамъ человѣка, и съ заключеніемъ молитвы Господней. Связь эту легко распознать, обратившись къ следующей таблицѣ, предложенной въ свое время И.И.Сикорскимъ въ работѣ "Отче нашъ. Размышленія о Молитвѣ Господней".

<i>Молитва Господня</i>	<i>Ключевыя слова</i>	<i>Исторія искушенія</i>
Хлѣбъ нашъ насущный дай намъ на сей день (Мт.6:11)	хлѣбъ	... скажи, чтобы камни сѣи сдѣлались хлѣбами (Мт.4:3)
И не введи насъ въ искушеніе , но избавь насъ отъ лукаваго (Мт.6:13)	вести - возведенъ, искушеніе - искушенный, лукавый - дьяволъ	Тогда Иисусъ возведенъ былъ Духомъ въ пустыню, для искушенія отъ дьявола (Мт.4:1)
Ибо Твое есть Царство ... (Мт.6:13)	Царство - царства	И, возведя Его на высокую гору, дьяволъ показалъ Ему всѣ царства вселенной во мгновеніе времени (Лк.4:5)
... и сила и слава вѣвѣки (Мт.6:13)	сила - слава - власть	И сказалъ Ему дьяволъ: Тебѣ дамъ власть надъ всѣми сими царствами и славу ихъ... (Лк.4:6)

Искушеніе Христа - очень странное мистическое событіе, о которомъ ученики Иисуса могли узнать только со словъ своего учителя, т.к. свидѣтелей при Его разговорѣ съ дьяволомъ не было. Все, что мы знаемъ о Христѣ, говоритъ за то, что Онъ не сталъ бы рассказывать ученикамъ о столь трудномъ для воспріятія мистическомъ опытѣ, если бы не считалъ его практически важнымъ примѣромъ для всѣхъ Своихъ послѣдователей. Лучше всѣхъ, на всѣ времена, сказалъ объ искушеніи Христа, его смыслѣ и роли въ исторіи человѣчества, русскій писатель Федоръ Достоевскій въ легендѣ о Великомъ инквизиторѣ ("Братья Карамазовы").

"Рѣши же Самъ, кто былъ правъ: Ты или тотъ, который тогда вопрошалъ Тебя? Вспомни первый вопросъ; хоть и не буквально, но смыслъ его тотъ: "Ты хочешь идти въ миръ и идешь съ голыми руками, съ какимъ-то объѣтомъ свободы, котораго они, въ простотѣ своей и въ прирожденномъ безчинствѣ своемъ, не могутъ и осмыслить, котораго боятся они и страшатся, - ибо ничего и никогда не было для человѣка и для человѣческаго общества невыносимѣе свободы! А видишь ли сіи камни въ этой нагой и раскаленной пустынѣ? Обрати ихъ въ хлѣбы, и за Тобой побѣжитъ человѣчество, какъ стадо, благодарное и послушное, хотя и вѣчно трепещущее, что Ты отымешь руку Свою и прекратятся имъ хлѣбы Твои". Но Ты не захотѣлъ лишить человѣка свободы и отвергъ предложеніе, ибо какая же свобода, разсудилъ Ты, если послушаніе куплено хлѣбами? Ты возразилъ, что человѣкъ живъ не единымъ хлѣбомъ, но знаешь ли, что во имя этого самаго хлѣба земнаго и возстанетъ на Тебя духъ земли и сразится съ Тобою и побѣдитъ Тебя и всѣ пойдутъ за нимъ, восклицая: "кто подобенъ звѣрю сему, онъ далъ намъ огонь съ небеси!" Знаешь ли Ты, что пройдутъ вѣка, и человѣчество провозгласитъ устами своей премудрости и науки, что преступленія нѣтъ, а стало быть, нѣтъ и грѣха, а есть лишь только голодные. "Накорми, тогда и спрашивай съ нихъ добродѣтели!" вотъ что напишутъ на знамени, которое воздвигнуть противъ Тебя и которымъ разрушится храмъ Твой. На мѣстѣ храма Твоего воздвигнется новое зданіе, воздвигнется вновь страшная Вавилонская башня..." (Ф.Достоевскій. *Братья Карамазовы*).

Очень знакомо, не правда ли? Именно "хлѣбъ" былъ начертанъ на знамени большевистской революціи въ Россіи, на него обмѣнялъ русскій народъ и свою вѣру, и совѣсть, и свободу. Да возьмемъ наше время, не хлѣбъ ли главный лейтмотивъ современной Россіи? Гениальное прозрѣніе.

Дьяволъ въ пустынѣ искушалъ Христа, чтобы Богъ забралъ у человѣка свободу и, поработивъ его, "подтолкнулъ" къ вѣрѣ въ Иисуса, къ добру черезъ матеріальное изобиліе. Не случайно именно послѣ насыщенія пяти тысячъ "люди, видѣвшіе чудо, сотворенное Иисусомъ, сказали: это истинно Тотъ Пророкъ, Которому должно придти въ миръ. Иисусъ же, узнавъ, что хотятъ придти, нечаянно взявъ Его и сдѣлавъ царемъ, опять удалился на гору одинъ" (*Ин.6:14-15*). Истинный Христосъ не посягнулъ на свободу человѣка, потерявъ изъ-за этого Свою жизнь.

Вопросъ о хлѣбѣ - это не вопросъ ѣды, а вопросъ общечеловѣческихъ цѣнностей. Безъ хлѣба насущнаго нѣтъ жизни (кто съ этимъ можетъ поспорить?), но безъ хлѣба, сходящаго съ небесъ, человѣкъ перестаетъ быть человѣкомъ (такъ страшно!). Иисусъ предупреждалъ Своихъ слушателей: "Вы ищете Меня... потому, что ѣли хлѣбъ и насытились. Старайтесь не о пищѣ тлѣнной, но о пищѣ, пребывающей въ жизнь вѣчную..." (*Ин.6:26-27*).

Хлѣбъ - одинъ изъ самыхъ универсальныхъ христіанскихъ символовъ. Противопоставляя небесныя цѣнности земному матеріальному благополучію, Христосъ говорилъ: "Я хлѣбъ живой, спешій съ небесъ; ядущій хлѣбъ сей будетъ жить вовѣкъ; хлѣбъ же, который Я дамъ, есть Плоть Моя, которую Я отдамъ за жизнь міра" (*Ин.6:51*).

Черезъ искушеніе хлѣбомъ приходится проходить и простымъ людямъ. Но если Христосъ былъ приведенъ въ пустыню для діалога съ дьяволомъ спеціально Духомъ Божимъ, то намъ рекомендується (въ молитвѣ "Отче нашъ") молиться, чтобы подобныхъ искушеній вообще не было! Авторъ молитвы Господней, по-видимому, не испытывалъ никакихъ иллюзій относительно ограниченности и грѣховности человѣка. Какъ бы странно это ни звучало для современныхъ людей, Молитва указываетъ намъ, что нужно просить не о мужествѣ и рѣшимости выиграть опредѣленную битву, но о помощи Господней о предотвращеніи этой борьбы.

Почему? Вотъ отрывокъ изъ воспоминаній Евгени Гинзбургъ, совѣтской коммунистки, репрессированной въ 1937 г.:

"Вокругъ насъ былъ міръ, опровергавшій, казалось бы, самое воспоминаніе о томъ, что не хлѣбомъ единымъ... Хлѣбомъ, хлѣбомъ единымъ, единой царицей Пайкой дышали здѣсь всѣ живые, полуживые и даже совсѣмъ умирающіе..."

Но "сейчасъ, на исходѣ отпущенныхъ мнѣ дней, я твердо знаю: ... "меа culpa" (лат. моя вина.- Ф.З.) стучитъ въ каждомъ сердцѣ, и весь вопросъ только въ томъ, когда же самъ человѣкъ услышитъ эти слова, звучащія глубоко внутри.

Ихъ можно хорошо слышать въ бессонницу, когда, "съ отвращеніемъ читая жизнь свою", трепещешь и проклинаешь. Въ бессонницу какъ-то не утѣшаетъ сознаніе, что ты непосредственно не участвовалъ въ убійствахъ и предательствахъ. Вѣдь убилъ не только тотъ, кто ударилъ, но и тѣ, кто поддержалъ Злобу. Все равно чемъ. Бездумнымъ повтореніемъ опасныхъ теоретическихъ формулъ. Безмолвнымъ поднятіемъ правой руки. Малодушнымъ писаніемъ полуправды. Меа culpa... И все чаще мнѣ кажется, что даже восемнадцати лѣтъ земного ада недостаточно для искупленія этой вины" (*Е.Гинзбургъ. Крутой маршрутъ*).

Весь XX вѣкъ, исторія Россіи, Германіи и другихъ странъ доказываютъ со всей опредѣленностью, что отдѣльныя человѣческія существа и даже цѣлыя націи не способны къ распознанію духовнаго зла и безпомощны, чтобы сопротивляться его зловѣщей опасности, если онѣ не находятъ поддержки въ высшемъ порядкѣ бытія, у Бога.

"А теперь вернемся къ вопросамъ "какъ?" и "зачѣмъ?". Вы болѣе или менѣе поняли, какъ партія сохраняетъ свою власть. Теперь скажите мнѣ, для чего мы держимся за власть. Каковъ побудительный мотивъ? Говорите же, - приказалъ онъ молчавшему Уинстону.

Тѣмъ не менѣе Уинстонъ медлил. Его переполняла усталость. А въ глазахъ О'Брайена опять зажегся тусклый безумный огонекъ энтузіазма. Онъ заранѣе зналъ, что скажетъ О'Брайенъ: что партія ищетъ власти не ради нея самой, а ради блага большинства. Ищетъ власти, потому что люди въ массѣ своей - слабыя, трусливыя созданія, они не могутъ

выносить свободу, не могут смотреть в лицо правды, поэтому ими должны править и систематически их обманывать те, кто сильнее их. Что человечество стоит перед выбором: свобода или счастье, и для подавляющего большинства счастье - лучше. Что партия - вечный опекун слабых, преданный идее ордена, который творит зло во имя добра, жертвует собственным счастьем ради счастья других...

- Вы правите нами для нашего блага, - слабым голосом сказал он. - Вы считаете, что люди не способны править собой, и поэтому...

Он вздрогнул и чуть не закричал. Боль пронзила его тело. О'Брайен поставил рычаг на тридцать пять.

- Глупо, Уинстон, глупо! - сказал он. - Я ожидал от вас лучшего ответа.

Он отвел рычаг обратно и продолжал:

- Теперь я сам отвечу на этот вопрос. Вот как. Партия стремится к власти исключительно ради нея самой. Нас не занимает чужое благо, нас занимает только власть. Ни богатство, ни роскошь, ни долгая жизнь, ни счастье - только власть, чистая власть. Что означает чистая власть, вы скоро поймете. Мы знаем, что делаем, и в этом наше отличие от всех олигархий прошлого. Все остальные, даже те, кто напоминал нас, были трусы и лицемеры. Германские нацисты и русские коммунисты были уже очень близки к нам по методам, но у них не хватило мужества разобраться в собственных мотивах. Они думали вид и, вероятно, даже впустили, что захватили власть вынужденно, на ограниченное время, а впереди, рукой подать, уже виден рай, где люди будут свободны и равны. Мы не такие. Мы знаем, что власть никогда не захватывают для того, чтобы от нее отказаться. Власть - не средство; она - цель. Диктатуру учреждают не для того, чтобы охранять революцию; революцию совершают для того, чтобы установить диктатуру. Цель репрессий - репрессии. Цель пытки - пытка. Цель власти - власть. Теперь вы меня немного понимаете?..

Он отвернулся от Уинстона и начал рассказывать по камере, засунув одну руку в карман.

- Мы - жрецы власти, - сказал он. - Бог - это власть. Но что касается вас, власть - покуда только слово. Пора объяснить вам, что значит "власть". Прежде всего вы должны понять, что власть коллективная. Индивид обладает властью настолько, насколько он перестал быть индивидом. Вы знаете партийный лозунг: "Свобода - это рабство". Вам не приходило в голову, что его можно перевернуть? Рабство - это свобода. Один - свободный - человек всегда терпит поражение. Так и должно быть, ибо каждый человек обречен умереть, и это его самый большой изъян. Но если он может полностью, без остатка подчиниться, если он может отказаться от себя, если он может раствориться в партии так, что он станет партией, тогда он всемогущ и бессмертен. Во-вторых, вам следует понять, что власть - это власть над людьми, над телом, но самое главное - над разумом. Власть над материей - над внешней реальностью, как вы бы ее назвали, -

не имѣеть значенія...

- Подлинная власть, власть, за которую мы должны сражаться день и ночь, - это власть не надъ предметами, а надъ людьми. - Онъ смолкъ, а потомъ спросилъ, какъ учитель способнаго ученика: - Уинстонъ, какъ человѣкъ утверждаетъ свою власть надъ другими?

Уинстонъ подумалъ.

- Заставляя его страдать, - сказалъ онъ.

- Совершенно вѣрно. Заставляя его страдать. Послушанія недостаточно. Если человѣкъ не страдаетъ, какъ вы можете быть увѣрены, что онъ исполняетъ вашу волю, а не свою собственную? Власть состоитъ въ томъ, чтобы причинять боль и унижать. Въ томъ, чтобы разорвать сознание людей на куски и составить снова въ такомъ видѣ, въ какомъ вамъ угодно. Теперь вамъ понятно, какой мiръ мы создаемъ? Онъ будетъ полной противоположностью тѣмъ глупымъ гедонистическимъ утопіямъ, которыми тѣшились прежніе реформаторы. Мiръ страха, предательства и мученій, мiръ топчущихъ и растоптанныхъ, мiръ, который, совершенствуясь, будетъ становиться не менѣе, а болѣе безжалостнымъ; прогрессъ въ нашемъ мiрѣ будетъ направленъ къ росту страданій. Прежнія цивилизаціи утверждали, что онѣ основаны на любви и справедливости. Наша основана на ненависти. Въ нашемъ мiрѣ не будетъ иныхъ чувствъ, кромѣ страха, гнѣва, торжества и самоуничженія. Всѣ остальные мы истребимъ. Всѣ. Мы искореняемъ прежніе способы мышленія - пережитки дореволюціонныхъ временъ. Мы разорвали связи между родителемъ и ребенкомъ, между мужчиной и женщиной, между однимъ человѣкомъ и другимъ. Никто уже не довѣряетъ ни женѣ, ни ребенку, ни другу. А скоро и женъ и друзей не будетъ. Новорожденныхъ мы заберемъ у матери, какъ забираемъ яйца изъ-подъ несушки... Не будетъ иной вѣрности, кромѣ партийной вѣрности. Не будетъ иной любви, кромѣ любви къ Старшему Брату. Не будетъ иного смѣха, кромѣ побѣднаго смѣха надъ поверженнымъ врагомъ. Не будетъ искусства, литературы, науки. Когда мы станемъ всемогущими, мы обойдемся безъ науки. Не будетъ различія между уродливымъ и прекраснымъ. Исчезнетъ любознательность, жизнь не будетъ искать себѣ примѣненія. Съ разнообразіемъ удовольствій мы покончимъ. Но всегда - запомните, Уинстонъ, - всегда будетъ опьянѣніе властью, и чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе, тѣмъ острее. Всегда, каждый мигъ, будетъ пронзительная радость побѣды, наслажденіе оттого, что наступилъ на безпомощнаго врага. Если вамъ нуженъ образъ будущаго, вообразите сапогъ, топчущій лицо человѣка - вѣчно".

(Дж.Оруэлль. 1984. Пер. В.П.Голышева)

Великій инквизиторъ

Ф.М.Достоевскій

И вотъ Онъ возжелалъ появиться хоть на мгновенье къ народу,- къ мучающемуся, страдающему, смрадно-грѣшному, но младенчески любящему Его народу. Дѣйствіе у меня въ Испаніи, въ Севильѣ, въ самое страшное время инквизиціи, когда во славу Божию въ странѣ ежедневно горѣли костры и

Въ великолѣпныхъ автодафе

Сжигали злыхъ еретиковъ.

О, это, конечно, было не то сошествіе, въ которомъ явится Онъ, по обѣщанію своему, въ концѣ временъ, во всей славѣ небесной и которое будетъ внезапно, "какъ молнія, блистающая отъ востока до запада". Нѣтъ, Онъ возжелалъ хоть на мгновенье посѣтить дѣтей Своихъ и именно тамъ, гдѣ какъ разъ затрещали костры еретиковъ. По безмѣрному милосердію Своему, Онъ проходитъ еще разъ между людей въ томъ самомъ образѣ человѣческомъ, въ которомъ ходилъ три года между людьми пятнадцать вѣковъ назадъ. Онъ снисходитъ на "стогны жаркіе" южнаго города, какъ разъ въ которомъ всего лишь наканунѣ въ "великолѣпномъ автодафе", въ присутствіи короля, двора, рыцарей, кардиналовъ и прелестнѣйшихъ придворныхъ дамъ, при многочисленномъ населеніи всей Севильи, была сожжена кардиналомъ, великимъ инквизиторомъ, разомъ чуть не цѣлая сотня еретиковъ *ad majorem gloriam Dei*. Онъ появился тихо, незамѣтно, и вотъ всѣ - странно это - узнають Его. Это могло бы быть однимъ изъ лучшихъ мѣстъ поэмы, - то есть почему именно узнають Его. Народъ непобѣдимую силою стремится къ Нему, окружаетъ Его, нарастаетъ кругомъ Него, слѣдуетъ за Нимъ. Онъ молча проходитъ среди ихъ съ тихой улыбкой безконечнаго состраданія. Солнце любви горитъ въ Его сердцѣ, лучи Свѣта, Просвѣщенія и Силы текутъ изъ очей Его и, изливаясь на людей, сотрясають ихъ сердца отвѣтной любовью. Онъ простираетъ къ нимъ руки, благословляетъ ихъ, и отъ прикосновенія къ Нему, даже лишь къ одеждамъ Его, исходитъ цѣлящая сила. Вотъ изъ толпы восклицаетъ старикъ, слѣпой съ дѣтскихъ лѣтъ: "Господи, исцѣли меня, да и я Тебя узрю", и вотъ какъ бы чешуя сходить съ глазъ его, и слѣпой Его видитъ. Народъ плачетъ и цѣлуетъ землю, по которой идетъ Онъ. Дѣти бросаютъ предъ Нимъ цвѣты, поютъ и вопіють Ему: "Осанна!" "Это Онъ, это Самъ Онъ, повторяють всѣ, это долженъ быть Онъ, это никто, какъ Онъ". Онъ останавливается на паперти Севильскаго собора въ ту самую минуту, когда во храмъ вносятъ съ плачемъ дѣтскій открытый бѣлый гробикъ: въ немъ семилѣтняя дѣвочка, единственная дочь одного знатнаго гражданина. Мертвый ребенокъ лежитъ весь въ цвѣтахъ. "Онъ воскреситъ твое дитя", кричатъ изъ толпы плачущей матери. Вышедшій навстрѣчу гроба соборный патерь смотритъ въ недоумѣніи и хмуритъ брови. Но вотъ раздается вопль матери умершаго ребенка. Она повергается къ ногамъ Его: "Если это Ты, то воскреси дитя мое!" восклицаетъ она, простирая къ Нему руки. Процессія останавливается, гробикъ опускають на паперть къ ногамъ Его. Онъ глядитъ съ состраданіемъ, и уста Его тихо и еще

разъ произносятъ: "Талифа куми" - "и возста дѣвица". Дѣвочка подымается въ гробѣ, садится и смотритъ, улыбаясь удивленными раскрытыми глазками кругомъ. Въ рукахъ ея букетъ бѣлыхъ розъ, съ которымъ она лежала въ гробу. Въ народѣ смятеніе, крики, рыданія, и вотъ въ эту самую минуту вдругъ проходитъ мимо собора по площади самъ кардиналъ, великій инквизиторъ. Это девяностолѣтній почти старикъ, высокій и прямой, съ изсохшимъ лицомъ, со впалыми глазами, но изъ которыхъ еще свѣтится, какъ огненная искорка, блескъ. О, онъ не въ великолѣпныхъ кардинальскихъ одеждахъ своихъ, въ какихъ красовался вчера предъ народомъ, когда сжигали враговъ Римской веры, - нѣтъ, въ эту минуту онъ лишь въ старой, грубой монашеской своей рясѣ. За нимъ въ извѣстномъ разстояніи слѣдуютъ мрачные помощники и рабы его и "священная" стража. Онъ останавливается предъ толпой и наблюдаетъ издали. Онъ все видѣлъ, онъ видѣлъ, какъ поставили гробъ у ногъ Его, видѣлъ какъ воскресла дѣвица, и лицо его омрачилось. Онъ хмуритъ сѣдые густыя брови свои, и взглядъ его сверкаетъ зловѣщимъ огнемъ. Онъ простираетъ персть свой и велитъ стражамъ взять Его. И вотъ, такова его сила и до того уже приучень, покорень и трепетно послушенъ ему народъ, что толпа немедленно раздвигается предъ стражами и тѣ, среди гробового молчанія, вдругъ наступившаго, налагаютъ на Него руки и уводятъ Его. Толпа моментально, вся, какъ одинъ человѣкъ, склоняется головами до земли предъ старцемъ-инквизиторомъ, тотъ молча благословляетъ народъ и проходитъ мимо. Стража приводитъ Плѣнника въ тѣсную и мрачную сводчатую тюрьму въ древнемъ зданіи Святого Судилица и запираетъ въ нее. Проходитъ день, настаетъ темная, горячая и "бездыханная" севильская ночь. Воздухъ "лавромъ и лимономъ пахнетъ". Среди глубокаго мрака вдругъ отворяется желѣзная дверь тюрьмы, и самъ старикъ великій инквизиторъ со свѣтильникомъ въ рукѣ медленно входитъ въ тюрьму. Онъ одинъ, дверь за нимъ тотчасъ же запирается. Онъ останавливается при входѣ и долго, минуту или двѣ, всматривается въ лицо Его. Наконецъ, тихо подходитъ, ставитъ свѣтильникъ на столъ и говоритъ Ему:

"- Это Ты? Ты?" - Но не получая отвѣта, быстро прибавляетъ: "Не отвѣчай, молчи. Да и что бы Ты могъ сказать? Я слишкомъ знаю, что Ты скажешь. Да Ты и права не имѣешь ничего прибавлять къ тому, что уже сказано Тобой прежде. Зачѣмъ же Ты пришелъ намъ мѣшать? Ибо Ты пришелъ намъ мѣшать и самъ это знаешь. Но знаешь ли, что будетъ завтра? Я не знаю, кто Ты, и знать не хочу: Ты ли это или только подобіе Его, но завтра же я осужу и сожгу Тебя на кострѣ, какъ злѣйшаго изъ еретиковъ, и тотъ самый народъ, который сегодня цѣловалъ Твои ноги, завтра же, по одному моему мановенію, бросится подгрѣбать къ Твоему костру угли, знаешь Ты это? Да, Ты, можетъ быть, это знаешь",- прибавилъ онъ въ проникновенномъ раздумьи, ни на мгновеніе не отрываясь взглядомъ отъ своего Плѣнника...

"Имѣешь ли Ты право возвѣститъ намъ хоть одну изъ тайнъ того міра, изъ котораго Ты пришелъ?" - спрашиваетъ Его мой старикъ и самъ отвѣчаетъ Ему за Него, - "нѣтъ, не имѣешь, чтобы не прибавлять къ тому, что уже было прежде сказано, и чтобы не отнять у людей свободы, за которую Ты такъ стоялъ, когда былъ на землѣ. Все, что Ты вновь возвѣстишь, посягнетъ на свободу вѣры людей, ибо явится, какъ чудо, а свобода ихъ вѣры

Тебѣ была дороже всего еще тогда, полторы тысячи лѣтъ назадъ. Не Ты ли такъ часто тогда говорилъ: "хочу сдѣлать васъ свободными". Но вотъ Ты теперь увидѣлъ этихъ "свободныхъ" людей",- прибавляетъ вдругъ старикъ со вдумчивою усмѣшкой. - "Да, это дѣло намъ дорого стоило",- продолжалъ онъ, строго смотря на Него, - "но мы dokonчили, наконецъ, это дѣло, во имя Твое. Пятнадцать вѣковъ мучились мы съ этою свободой, но теперь это кончено и кончено крѣпко. Ты не вѣришь, что кончено крѣпко? Ты смотришь на меня кротко и не удостоиваешь меня даже негодованія? Но знай, что теперь, и именно нынѣ, эти люди увѣрены болѣе чѣмъ когда-нибудь, что свободны вполне, а между тѣмъ, сами же они принесли намъ свободу свою и покорно положили ее къ ногамъ нашимъ. Но это сдѣлали мы, а того ль Ты желалъ, такой ли свободы?"...

"Ибо теперь (то есть онъ, конечно, говорить про инквизицію) стало возможнымъ помыслить въ первый разъ о счастіи людей. Человѣкъ былъ устроенъ бунтовщикомъ; развѣ бунтовщики могутъ быть счастливыми? Тебя предупреждали",- говоритъ онъ Ему, - "Ты не имѣлъ недостатка въ предупрежденіяхъ и указаніяхъ, но Ты не послушалъ предупрежденій, Ты отвергъ единственный путь, которымъ можно было устроить людей счастливыми, но, къ счастью, уходя, Ты передалъ дѣло намъ. Ты обѣщаль, Ты утвердилъ своимъ словомъ, Ты далъ намъ право связывать и развязывать, и, ужъ, конечно, не можешь и думать отнять у насъ это право теперь. Зачѣмъ же Ты пришелъ намъ мѣшать?"...

"- Страшный и умный духъ, духъ самоуничтоженія и небытія,- продолжалъ старикъ, - великій духъ говорилъ съ Тобой въ пустынѣ, и намъ передано въ книгахъ, что онъ будто бы "искушалъ" Тебя. Такъ ли это? И можно ли было сказать хоть что-нибудь истиннѣе того, что онъ возвѣстилъ Тебѣ въ трехъ вопросахъ, и что Ты отвергъ, и что въ книгахъ названо "искушеніями"? А между тѣмъ, если было когда-нибудь на землѣ совершено настоящее громовое чудо, то это въ тотъ день, въ день этихъ трехъ искушеній. Именно въ появленіи этихъ трехъ вопросовъ и заключалось чудо. Если бы возможно было помыслить, лишь для пробы и для примѣра, что эти три вопроса страшнаго духа безслѣдно утрачены въ книгахъ и что ихъ надо возстановить, вновь придумать, и сочинить чтобы внести опять въ книги, и для этого собрать всѣхъ мудрецовъ земныхъ - правителей, первосвященниковъ, ученыхъ, философовъ, поэтовъ, и задать имъ задачу: придумайте, сочините три вопроса, но такіе, которые мало того, что соответствовали бы размѣру событія, но и выражали бы сверхъ того, въ трехъ словахъ, въ трехъ фразахъ человѣческихъ, всю будущую исторію міра и человѣчества, - то думаешь ли Ты, что вся премудрость земли, вмѣстѣ соединившаяся, могла бы придумать хоть что-нибудь подобное по силѣ и по глубинѣ тѣмъ тремъ вопросамъ, которые дѣйствительно были предложены Тебѣ тогда могучимъ и умнымъ духомъ въ пустынѣ? Ужъ по однимъ вопросамъ этимъ, лишь по чуду ихъ появленія, можно понимать, что имѣешь дѣло не съ человѣческимъ текущимъ умомъ, а съ вѣковѣчнымъ и абсолютнымъ. Ибо въ этихъ трехъ вопросахъ какъ бы совокуплена въ одно цѣлое и предсказана вся дальнѣйшая исторія человѣческая и явлены три образа, въ которыхъ сойдутся всѣ неразрѣшимыя историческія противорѣчія человѣческой природы на всей землѣ. Тогда это не могло быть еще такъ видно, ибо будущее было невѣдомо, но теперь, когда прошло

пятнадцать вѣковъ, мы видимъ, что все въ этихъ трехъ вопросахъ до того угадано и предсказано и до того оправдалось, что прибавить къ нимъ или убавить отъ нихъ ничего нельзя болѣе.

"Рѣши же Самъ, кто былъ правъ: Ты или тотъ, который тогда вопрошалъ Тебя? Вспомни первый вопросъ; хоть и не буквально, но смыслъ его тотъ: "Ты хочешь идти въ мѣръ и идешь съ голыми руками, съ какимъ-то обѣтомъ свободы, котораго они, въ простотѣ своей и въ прирожденномъ безчинствѣ своемъ, не могутъ и осмыслить, котораго боятся они и страшатся, - ибо ничего и никогда не было для человѣка и для человѣческаго общества невыносимѣе свободы! А видишь ли сіи камни въ этой нагой и раскаленной пустынь? Обрати ихъ въ хлѣбы, и за Тобой побѣжитъ человѣчество, какъ стадо, благодарное и послушное, хотя и вѣчно трепещущее, что Ты отымешь руку Свою и прекратятся имъ хлѣбы Твои". Но Ты не захотѣлъ лишить человѣка свободы и отвергъ предложеніе, ибо какая же свобода, разсудилъ Ты, если послушаніе куплено хлѣбами? Ты возразилъ, что человѣкъ живъ не единымъ хлѣбомъ, но знаешь ли, что во имя этого самаго хлѣба земнаго и возстанетъ на Тебя духъ земли и сразится съ Тобою и побѣдитъ Тебя и всѣ пойдутъ за нимъ, восклицая: "кто подобенъ звѣрю сему, онъ далъ намъ огонь съ небеси!" Знаешь ли Ты, что пройдутъ вѣка, и человѣчество провозгласитъ устами своей премудрости и науки, что преступленія нѣтъ, а стало быть, нѣтъ и грѣха, а есть лишь только голодные. "Накорми, тогда и спрашивай съ нихъ добродѣтели!" вотъ что напишутъ на знамени, которое воздвигнутъ противъ Тебя и которымъ разрушится храмъ Твой. На мѣстѣ храма Твоего воздвигнется новое зданіе, воздвигнется вновь страшная Вавилонская башня, и хотя и эта не достроится, какъ и прежняя, но все же Ты бы могъ избѣжать этой новой башни и на тысячу лѣтъ сократить страданія людей, - ибо къ намъ же вѣдь придутъ они, промучившись тысячу лѣтъ со своей башней! Они отыщутъ насъ тогда опять подъ землей, въ катакомбахъ, скрывающихся (ибо мы будемъ вновь гонимы и мучимы), найдутъ насъ и возопіютъ къ намъ: "накормите насъ, ибо тѣ, которые обѣщали намъ огонь съ небеси, его не дали". И тогда уже мы и достроимъ ихъ башню, ибо достроитъ тотъ, кто накормитъ, а накормимъ лишь мы, во имя Твое, и солжемъ, что во имя Твое. О, никогда, никогда безъ насъ они не накормятъ себя! Никакая наука не дастъ имъ хлѣба, пока они будутъ оставаться свободными, но кончится тѣмъ, что они принесутъ свою свободу къ ногамъ нашимъ и скажутъ намъ: "лучше поработите насъ, но накормите насъ". Поймутъ, наконецъ, сами, что свобода и хлѣбъ земной вдоволь для всякаго вмѣстѣ немислимы, ибо никогда, никогда не сумѣютъ они раздѣлиться между собою! Убѣдятся тоже, что не могутъ быть никогда и свободными, потому что малосильны, порочны, ничтожны и бунтовщики. Ты обѣщалъ имъ хлѣбъ небесный, но, повторяю опять, можетъ ли онъ сравниться въ глазахъ слабаго, вѣчно порочнаго и вѣчно неблагогоднаго людскаго племени съ земнымъ? И если за Тобою, во имя хлѣба небеснаго, пойдутъ тысячи и десятки тысячъ, то что станетъ съ милліонами и съ десятками тысячъ милліоновъ существъ, которыя не въ силахъ будутъ пренебречь хлѣбомъ земнымъ для небеснаго? Иль Тебѣ дороги лишь десятки тысячъ великихъ и сильныхъ, а остальные милліоны, многочисленные, какъ песокъ морской, слабыхъ, но любящихъ Тебя, должны

лишь послужить матеріаломъ для великихъ и сильныхъ? Нѣтъ, намъ дороги и слабые. Они порочны и бунтовщики, но подъ конецъ они-то станутъ и послушными. Они будутъ дивиться на насъ и будутъ считать насъ за боговъ за то, что мы, ставъ во главѣ ихъ, согласились выносить свободу, которой они испугались, и надъ ними господствовать, - такъ ужасно имъ станетъ подъ конецъ быть свободными! Но мы скажемъ, что послушны Тебѣ и господствуемъ во имя Твое. Мы ихъ обманемъ опять, ибо Тебя мы ужъ не пустимъ къ себѣ. Въ обманѣ этомъ и будетъ заключаться наше страданіе, ибо мы должны будемъ лгать. Вотъ что значилъ этотъ первый вопросъ въ пустынѣ, и вотъ что Ты отвергъ во имя свободы, которую поставилъ выше всего. А между тѣмъ, въ вопросѣ этомъ заключалась великая тайна міра сего. Принявъ "хлѣбы", Ты бы отвѣтилъ на всеобщую и вѣковѣчную тоску человѣческую, какъ единоличнаго существа, такъ и цѣлаго человѣчества вмѣстѣ - это: "предъ кѣмъ преклониться?" Нѣтъ заботы непрерывнѣе и мучительнѣе для человѣка, какъ, оставшись свободнымъ, сыскать поскорѣе того, предъ кѣмъ преклониться. Но ищетъ человѣкъ преклониться предъ тѣмъ, что уже бесспорно, столь бесспорно, чтобы всѣ люди разомъ согласились на всеобщее предъ нимъ преклоненіе. Ибо забота этихъ жалкихъ созданій не въ томъ только состоитъ, чтобы сыскать то, предъ чѣмъ мнѣ или другому преклониться, но чтобы сыскать такое, чтобы и всѣ увѣровали въ него и преклонились предъ нимъ, и чтобы непременно *всѣ вѣрять*. Вотъ эта потребность *общности* преклоненія и есть главнѣйшее мученіе каждаго человѣка единолично и какъ цѣлаго человѣчества съ начала вѣковъ. Изъ-за всеобщаго преклоненія они истребляли другъ друга мечомъ. Они созидали боговъ и зывали другъ къ другу: "бросьте вашихъ боговъ и придите поклониться нашимъ, не то смерть вамъ и богамъ вашимъ!" И такъ будетъ до скончанія міра, даже и тогда, когда исчезнутъ въ мірѣ и боги: все равно, падутъ предъ идолами. Ты зналъ, Ты не могъ не знать эту основную тайну природы человѣческой, но Ты отвергъ единственное абсолютное знамя, которое предлагалось Тебѣ, чтобы заставить всѣхъ преклониться предъ Тобою бесспорно, - знамя хлѣба земного, и отвергъ во имя свободы и хлѣба небеснаго. Взгляни же, что сдѣлалъ Ты далѣе. И все опять во имя свободы! Говорю Тебѣ, что нѣтъ у человѣка заботы мучительнѣе, какъ найти того, кому бы передать поскорѣе тотъ даръ свободы, съ которымъ это несчастное существо рождается. Но овладѣваетъ свободой людей лишь тотъ, кто успокоитъ ихъ совѣсть. Съ хлѣбомъ Тебѣ давалось бесспорное знамя: дашь хлѣбъ, и человѣкъ преклонится, ибо ничего нѣтъ бесспорнѣе хлѣба, но если въ то же время кто-нибудь овладѣетъ его совѣстью помимо Тебя, - о, тогда онъ даже броситъ хлѣбъ Твой и пойдетъ за тѣмъ, который обольститъ его совѣсть. Въ этомъ Ты былъ правъ. Ибо тайна бытія человѣческаго не въ томъ, чтобы только жить, а въ томъ, для чего жить. Безъ твердаго представленія себѣ, для чего ему жить, человѣкъ не согласится жить и скорѣй истребитъ себя, чѣмъ останется на землѣ, хотя бы кругомъ его все были хлѣбы. Это такъ, но что же вышло: вмѣсто того, чтобы овладѣть свободой людей, Ты увеличилъ имъ ее еще больше! Или Ты забылъ, что спокойствіе и даже смерть человѣку дороже свободного выбора въ познаніи добра и зла? Нѣтъ ничего обольстительнѣе для человѣка, какъ свобода его совѣсти, но нѣтъ ничего и мучительнѣе. И вотъ вмѣсто твердыхъ основъ для успокоенія

совѣсти человѣческой разъ навсегда - Ты взялъ все, что есть необычайнаго, гадательнаго и неопредѣленнаго, взялъ все, что было не по силамъ людей, а потому поступилъ какъ бы и не любя ихъ вовсе, - и это кто же: Тотъ, который пришелъ отдать за нихъ жизнь Свою! вмѣсто того, чтобъ овладѣть людскою свободою, Ты умножилъ ее и обременилъ ее мученіями душевное царство человѣка вѣки. Ты возжелалъ свободной любви человѣка, чтобы свободно пошелъ онъ за Тобою, прельщенный и плѣненный Тобою. вмѣсто твердаго древняго закона, - свободнымъ сердцемъ долженъ былъ человѣкъ рѣшать впредь самъ, что добро и что зло, имѣя лишь въ руководствѣ Твоей образъ предъ собою, - но неужели Ты не подумалъ, что онъ отвергнетъ же, наконецъ, и оспорить даже и Твой образъ и Твою правду, если его угнетутъ такимъ страшнымъ бременемъ, какъ свобода выбора? Они воскликнутъ, наконецъ, что правда не въ Тебѣ, ибо невозможно было оставить ихъ въ смятеніи и мученіи болѣе, чѣмъ сдѣлалъ Ты, оставивъ имъ столько заботъ и неразрѣшимыхъ задачъ. Такимъ образомъ, Самъ Ты и положилъ основаніе къ разрушенію Своего же царства и не вини никого въ этомъ болѣе. А между тѣмъ, то ли предлагалось Тебѣ? Есть три силы, единственныя три силы на землѣ, могущія навѣки побѣдить и плѣнить совѣсть этихъ слабосильныхъ бунтовщиковъ, для ихъ счастья, - эти силы: чудо, тайна и авторитетъ. Ты отвергъ и то, и другое, и третье, и Самъ подаль примѣръ тому. Когда страшный и премудрый духъ поставилъ Тебя на вершинѣ храма и сказалъ Тебѣ: "если хочешь узнать, Сынъ ли Ты Божій, то верзись внизъ, ибо сказано про Того, что ангелы подхватятъ и понесутъ Его и не упадетъ и не расшибется, и узнаешь тогда, Сынъ ли Ты Божій, и докажешь тогда, какова вѣра Твоя въ Отца Твоего", но Ты, выслушавъ, отвергъ предложеніе и не поддался и не бросился внизъ. О, конечно, Ты поступилъ тутъ гордо и великолѣпно, какъ Богъ, но люди-то, но слабое бунтующее племя это - они-то боги ли? О, Ты понялъ тогда, что, сдѣлавъ лишь шагъ, лишь движеніе броситься внизъ, Ты тотчасъ бы и искусилъ Господа и вѣру въ Него всю потерялъ, и разбился бы о землю, которую спасать пришелъ, и возрадовался бы умный духъ, искушавшій Тебя. Но, повторяю, много ли такихъ, какъ Ты? И неужели Ты въ самомъ дѣлѣ могъ допустить хоть минуту, что и людямъ будетъ подъ силу подобное искушеніе? Такъ ли создана природа человѣческая, чтобъ отвергнуть чудо и въ такіе страшные моменты жизни, моменты самыхъ страшныхъ основныхъ и мучительныхъ душевныхъ вопросовъ своихъ оставаться лишь со свободнымъ рѣшеніемъ сердца? О, Ты зналъ, что подвигъ Твой сохранится въ книгахъ, достигнетъ глубины временъ и послѣднихъ предѣловъ земли, и понадѣялся, что, слѣдуя Тебѣ, и человѣкъ останется съ Богомъ, не нуждаясь въ чудѣ. Но Ты не зналъ, что чуть лишь человѣкъ отвергнетъ чудо, то тотчасъ отвергнетъ и Бога, ибо человѣкъ ищетъ не столько Бога, сколько чудесъ. И такъ какъ человѣкъ оставаться безъ чуда не въ силахъ, то насоздастъ себѣ новыхъ чудесъ, уже собственныхъ, и поклонится уже знахарскому чуду, бабьему колдовству, хотя бы онъ сто разъ былъ бунтовщикомъ, еретикомъ и безбожникомъ. Ты не сошелъ со креста, когда кричали Тебѣ, издѣваясь и дразня Тебя: "сойди со креста и увѣруемъ, что это Ты". Ты не сошелъ потому, что, опять таки, не захотѣлъ поработить человѣка чудомъ и жаждалъ свободной вѣры, а не чудесной. Жаждалъ свободной любви, а не рабскихъ восторговъ

невольника предъ могуществомъ, разъ навсегда его ужаснувшимъ. Но и тутъ Ты судилъ о людяхъ слишкомъ высоко, ибо, конечно, они невольники, хотя и созданы бунтовщиками. Озрись и суди, вотъ прошло пятнадцать вѣковъ, поди посмотри на нихъ: кого Ты вознесъ до Себя? Клянусь, человекъ слабѣе и ниже созданъ, чѣмъ Ты о немъ думалъ! Можетъ ли, можетъ ли онъ исполнить то, что и Ты? Столь уважая его, Ты поступилъ какъ бы переставъ ему сострадать, потому что слишкомъ много отъ него и потребовалъ, - и это кто же, Тотъ, который возлюбилъ его болѣе Самого Себя! Уважая его менѣе, менѣе бы отъ него и потребовалъ, а это было бы ближе къ любви, ибо легче была бы ноша его. Онъ слабъ и подлъ. Что въ томъ, что онъ теперь повсемѣстно бунтуетъ противъ нашей власти и гордится, что онъ бунтуетъ? Это гордость ребенка и школьника. Это маленькія дѣти, взбунтовавшіяся въ классѣ и выгнавшія учителя. Но придетъ конецъ и восторгу ребятишекъ, онъ будетъ дорого стоить имъ. Они ниспровергнутъ храмы и зальютъ кровью землю. Но догадаются, наконецъ, глупыя дѣти, что хоть они и бунтовщики, но бунтовщики слабосильные, собственнаго бунта своего не выдерживающіе. Обливаясь глупыми слезами своими, они сознаются, наконецъ, что создавшій ихъ бунтовщиками, безъ сомнѣнія, хотѣлъ посмѣяться надъ ними. Скажутъ это они въ отчаяніи, и сказанное ими будетъ богохульствомъ, отъ котораго они станутъ еще несчастнѣе, ибо природа человѣческая не выносить богохульства, и въ концѣ концовъ сама же себѣ всегда и отмститъ за него. Итакъ, беспокойство, смятеніе и несчастіе - вотъ теперешній удѣлъ людей послѣ того, какъ Ты столь претерпѣлъ за свободу ихъ! Великій пророкъ Твой въ видѣніи и въ иносказаніи говоритъ, что видѣлъ всѣхъ участниковъ перваго воскресенія и что было ихъ изъ каждаго колѣна по двѣнадцати тысячъ. Но если было ихъ столько, то были и они какъ бы не люди, а боги. Они вытерпѣли крестъ Твой, они вытерпѣли десятки лѣтъ голодной и нагой пустыни, питаясь акридами и кореньями, - и, ужъ, конечно Ты можешь съ гордостью указать на этихъ дѣтей свободы, свободной любви, свободной и великолѣпной жертвы ихъ во имя Твое. Но вспомни, что ихъ было всего только нѣсколько тысячъ, да и то боговъ, а остальные? И чѣмъ виноваты остальные слабые люди, что не могли вытерпѣть того, что могучіе? Чѣмъ виновата слабая душа, что не въ силахъ вмѣстить столь страшныхъ даровъ? Да неужто жъ и впрямь приходилъ Ты лишь къ избраннымъ и для избранныхъ? Но если такъ, то тутъ тайна и намъ не понять ея. А если тайна, то и мы въ правѣ были проповѣдывать тайну и учить ихъ, что не свободное рѣшеніе сердець ихъ важно и не любовь, а тайна, которой они повинуются должны слѣпо, даже мимо ихъ совѣсти. Такъ мы и сдѣлали. Мы исправили подвигъ Твой и основали его на *чудь, тайнѣ* и *авторитетѣ*. И люди обрадовались, что ихъ вновь повели, какъ стадо, и что съ сердець ихъ снять, наконецъ, столь страшный даръ, принесшій имъ столько муки. Правы мы были, уча и дѣлая такъ, скажи? Неужели мы не любили человѣчества, столь смиренно сознавъ его безсиліе, съ любовію облегчивъ его ношу и разрѣшивъ слабосильной природѣ его, хотя бы и грѣхъ, но съ нашего позволенія? Къ чему же теперь пришелъ намъ мѣшать? И что Ты молча и проникновенно глядишь на меня кроткими глазами Своими? Разсердись, я не хочу любви Твоей, потому что самъ не люблю Тебя. И что мнѣ скрывать отъ Тебя? Или я не знаю, съ

кѣмъ говорю? То, что имѣю сказать Тебѣ, все Тебѣ уже извѣстно, я читаю это въ глазахъ Твоихъ. И я ли скрою отъ Тебя тайну нашу? Можетъ быть, Ты именно хочешь услышать ее изъ устъ моихъ, слушай же: мы не съ Тобой, а съ *нимъ*, вотъ наша тайна! Мы давно уже не съ Тобою, а съ *нимъ*, уже восемь вѣковъ. Ровно восемь вѣковъ назадъ какъ мы взяли отъ него то, что Ты съ негодованіемъ отвергъ, тотъ послѣдній даръ, который онъ предлагалъ Тебѣ, показавъ Тебѣ всѣ царства земныя; мы взяли отъ него Римъ и мечъ Кесаря и объявили лишь себя царями земными, царями едиными, хотя и донынѣ не успѣли еще привести наше дѣло къ полному окончанію. Но кто виновать? О, дѣло это до сихъ поръ лишь въ началѣ, но оно началось. Долго еще ждать завершенія его и еще много выстрадаетъ земля, но мы достигнемъ и будемъ кесарями, и тогда уже помыслимъ о всемірномъ счастіи людей. А между тѣмъ, Ты бы могъ еще и тогда взять мечъ Кесаря. Зачѣмъ Ты отвергъ этотъ послѣдній даръ? Принявъ этотъ третій совѣтъ могучаго духа, Ты восполнилъ бы все, чего ищетъ человѣкъ на землѣ, то есть: предъ кѣмъ преклониться, кому вручить совѣсть и какимъ образомъ соединиться, наконецъ, всѣмъ въ безспорный общій и согласный муравейникъ, ибо потребность всемірнаго соединенія есть третье и послѣднее мученіе людей. Всегда человѣчество въ цѣломъ своемъ стремилось устроиться непременно всемірно. Много было великихъ народовъ съ великою исторіей, но чѣмъ выше были эти народы, тѣмъ были и несчастнѣе, ибо сильнѣе другихъ сознавали потребность всемірности соединенія людей. Великіе завоеватели, Тимуръ и Чингис-ханы, пролетѣли, какъ вихрь по землѣ, стремясь завоевать вселенную, но и тѣ, хотя и безсознательно, выразили ту же самую великую потребность человѣчества ко всемірному и всеобщему единенію. Принявъ мѣръ и порфиру Кесаря, основалъ бы всемірное царство и далъ всемірный покой. Ибо кому же владѣть людьми, какъ не тѣмъ, которые владѣютъ ихъ совѣстью и въ чьихъ рукахъ хлѣбы ихъ. Мы и взяли мечъ Кесаря, а взявъ его, конечно, отвергли Тебя и пошли за *нимъ*. О, пройдутъ еще вѣка безчинства свободнаго ума, ихъ науки и антропофагіи, потому что, начавъ возводить свою Вавилонскую башню безъ насъ, они кончатъ антропофагіей. Но тогда-то и приползетъ къ намъ звѣрь и будетъ лизать ноги наши и обрызжетъ ихъ кровавыми слезами изъ глазъ своихъ. И мы сядемъ на звѣря и воздвигнемъ чашу и на ней будетъ написано: "Тайна!" Но тогда лишь и тогда настанетъ для людей царство покоя и счастія. Ты гордишься своими избранниками, но у Тебя лишь избранники, а мы успокоимъ всѣхъ. Да и такъ ли еще: сколь многіе изъ этихъ избранниковъ, изъ могучихъ, которые могли бы стать избранниками, устали, наконецъ, ожидая Тебя, и понесли и еще понесутъ силы духа своего и жаръ сердца своего на иную ниву и кончатъ тѣмъ, что на Тебя же и воздвигнутъ *свободное* знамя свое. Но Ты самъ воздвигъ это знамя. У насъ же всѣ будутъ счастливы и не будутъ болѣе ни бунтовать, ни истреблять другъ друга, какъ въ свободѣ Твоей, повсемѣстно. О, мы убѣдимъ ихъ, что они тогда только и станутъ свободными, когда откажутся отъ свободы своей для насъ и намъ покорятся. И что же, правы мы будемъ или солжемъ? Они сами убѣдятся, что правы, ибо вспомнятъ, до какихъ ужасовъ рабства и смятенія доводила ихъ свобода Твоя. Свобода, свободный духъ и наука заведутъ ихъ въ такія дебри и поставятъ предъ такими чудами и неразрѣшимыми тайнами, что одни изъ нихъ,

непокорные и свирѣпые, истребятъ себя самихъ, другіе непокорные, но малосильные, истребятъ другъ друга, а третьи оставшіеся, слабосильные и несчастные, приползутъ къ ногамъ нашимъ и возопіютъ къ намъ: "да, вы были правы, вы одни владѣли тайной Его, и мы возвращаемся къ вамъ, спасите насъ отъ себя самихъ". Получая отъ насъ хлѣбы, конечно, они ясно будутъ видѣть, что мы ихъ же хлѣбы, ихъ же руками добытые, беремъ у нихъ, чтобы имъ же раздать, безо всякаго чуда, увидятъ, что не обратили мы камней въ хлѣбы, но воистину болѣе, чѣмъ самому хлѣбу рады они будутъ тому, что получаютъ его изъ рукъ нашихъ! Ибо слишкомъ будутъ помнить, что прежде, безъ насъ, самые хлѣбы, добытые ими, обращались въ рукахъ ихъ лишь въ камни, а когда они воротились къ намъ, то самые камни обратились въ рукахъ ихъ въ хлѣбы. Слишкомъ, слишкомъ оцѣнятъ они, что значитъ разъ навсегда подчиниться! И пока люди не поймутъ сего, они будутъ несчастны. Кто болѣе всего способствовалъ этому непониманію, скажи? Кто раздробилъ стадо и разсыпалъ его по путямъ невѣдомымъ? Но стадо вновь соберется, и вновь покорится, и уже разъ навсегда. Тогда мы дадимъ имъ тихое, смиренное счастье слабосильныхъ существъ, какими они и созданы. О, мы убѣдимъ ихъ, наконецъ, не гордиться, ибо Ты вознесъ ихъ и тѣмъ научилъ гордиться; докажемъ имъ, что они слабосильны, что они только жалкія дѣти, но что дѣтское счастье слаще всякаго. Они станутъ робки и станутъ смотрѣть на насъ и прижиматься къ намъ въ страхѣ, какъ птенцы къ насѣдкѣ. Они будутъ дивиться, и ужасаться на насъ и гордиться темъ, что мы такъ могучи и такъ умны, что могли усмирить такое буйное тысячемилліонное стадо. Они будутъ разслабленно трепетать гнѣва нашего, умы ихъ оробѣютъ, глаза ихъ станутъ слезоточивы, какъ у дѣтей и женщинъ, но столь же легко будутъ переходить они по нашему мановенію къ веселью и къ смѣху, свѣтлой радости и счастливой дѣтской пѣсенкѣ. Да, мы заставимъ ихъ работать, но въ свободные отъ труда часы мы устроимъ имъ жизнь, какъ дѣтскую игру, съ дѣтскими пѣснями, хоромъ, съ невинными плясками. О, мы разрѣшимъ имъ и грѣхъ, они слабы и безсильны, и они будутъ любить насъ, какъ дѣти, за то, что мы имъ позволимъ грѣшить. Мы скажемъ имъ, что всякій грѣхъ будетъ искупленъ, если сдѣланъ будетъ съ нашего позволенія; позволяемъ же имъ грѣшить потому, что ихъ любимъ, наказаніе же за эти грѣхи, такъ и быть, возьмемъ на себя. И возьмемъ на себя, а насъ они будутъ обожать, какъ благодѣтелей, понесшихъ на себѣ ихъ грѣхи предъ Богомъ. И не будетъ у нихъ никакихъ отъ насъ тайнъ. Мы будемъ позволять или запрещать имъ жить съ ихъ женами и любовницами, имѣть или не имѣть дѣтей, - все судя по ихъ послушанію, - и они будутъ намъ покоряться съ весельемъ и радостью. Самыя мучительныя тайны ихъ совѣсти, - все, все понесутъ они намъ, и мы все разрѣшимъ, и они повѣрятъ рѣшенію нашему съ радостью, потому что оно избавитъ ихъ отъ великой заботы и страшныхъ теперешнихъ мукъ рѣшенія личнаго и свободнаго. И всѣ будутъ счастливы, всѣ милліоны существъ, кромѣ сотни тысячъ управляющихъ ими. Ибо лишь мы, мы хранящіе тайну, только мы будемъ несчастны. Будетъ тысячи милліоновъ счастливыхъ младенцевъ и сто тысячъ страдальцевъ, взявшихъ на себя проклятіе познанія добра и зла. Тихо умрутъ они, тихо угаснутъ во имя Твое, и за гробомъ обрящутъ лишь смерть. Но мы сохранимъ секретъ и для ихъ же счастья будемъ манить ихъ наградой небесною и вѣчною. Ибо если бѣ

и было что на томъ свѣтѣ, то ужъ, конечно, не для такихъ, какъ они. Говорятъ и пророчествуютъ, что Ты придешь и вновь побѣдишь, придешь со своими избранныками, со своими гордыми и могучими, но мы скажемъ, что они спасли лишь самихъ себя, а мы спасли всѣхъ. Говорятъ, что опозорена будетъ блудница, сидящая на звѣрѣ и держащая въ рукахъ своихъ *тайну*, что взбунтуются вновь малосильные, что разорвутъ порфиру ея и обнажатъ ея "гадкое" тѣло. Но я тогда встану и укажу Тебѣ на тысячи миллионъ счастливыхъ младенцевъ, не знавшихъ грѣха. И мы, взявшіе грѣхи ихъ, для счастья ихъ, на себя, мы станемъ предъ Тобой и скажемъ: "суди насъ, если можешь и смѣешь". Знай, что я не боюсь Тебя. Знай, что и я былъ въ пустынѣ, что и я питался акридами и кореньями, что и я благословлялъ свободу, которую Ты благословилъ людей, и я готовился стать въ число избранныхъ Твоихъ, въ число могучихъ и сильныхъ съ жаждой "восполнить число". Но я очнулся и не захотѣлъ служить безумію. Я воротился и примкнулъ къ сонму техъ, которые *исправили подвигъ Твой*. Я ушелъ отъ гордыхъ и воротился къ смиреннымъ для счастья этихъ смертныхъ. То, что я говорю Тебѣ, сбудется и царство наше созиждется. Повторяю Тебѣ, завтра же Ты увидишь это послушное стадо, которое по первому мановенію моему бросится подгрѣбать горячіе угли къ костру Твоему, на которомъ сожгу Тебя за то, что пришелъ намъ мѣшать. Ибо если былъ, кто всѣхъ болѣе заслужилъ нашъ костеръ, то это Ты. Завтра сожгу тебя. Dixi".

...когда инквизиторъ умолкъ, то нѣкоторое время ждетъ, что Плѣнникъ его ему отвѣтитъ. Ему тяжело Его молчаніе. Онъ видѣлъ, какъ Узникъ все время слушалъ его проникновенно и тихо смотря ему прямо въ глаза, и видимо не желая ничего возражать. Старикъ хотѣлось бы, чтобы тотъ сказалъ ему что-нибудь, хотя бы и горькое, страшное. Но Онъ вдругъ молча приближается къ старикъ и тихо цѣлуетъ его въ его безкровныя девяностолѣтнія уста. Вотъ и весь отвѣтъ. Старикъ вздрагиваетъ. Что-то шевельнулось въ концахъ губъ его; онъ идетъ къ двери, отворяетъ ее и говоритъ Ему: "ступай и не приходи болѣе... не приходи вовсе... никогда, никогда!" И выпускаетъ Его на "темныя стогна града". Плѣнникъ уходитъ.

- А старикъ?

- Поцѣлуй горитъ на его сердцѣ, но старикъ остается въ прежней идее.

Оглавление

Ө.И.Тютчевъ. Я лютеранъ люблю богослуженье.....	1
Отъ редактора. Не хлѣбомъ однимъ.....	2
Ө.М.Достоевскій. Великій инквизиторъ.....	7

Редакторъ: Занько Ф.С.

Разрешается свободное распространение и использование настоящего документа для любых целей при условии сохранения текста в неизменном виде и указании имени автора.

Полные тексты статей и другие материалы публикуются на Интернет-странице альманаха: <http://www.russianlutheran.org/strannik/strannik.html>.